

Начало стороны А кассеты № 1.

Сегодня, 6 декабря 2004 года, я, Островская Ирина, в рамках программы “История семьи” беру интервью у Натальи Степановны Даниловой у нее дома в Москве. Это первая кассета.

В – Вы рассказываете об Осоргиных. У Вас мама Осоргина?

О – Да. Собственно все, что я буду говорить, это об Осоргиных, потому что видите вот..

В – ну, что знаем, то и говорим, а что не знаем, то не говорим.

О – рассказывать про отца?

В – рассказывать и про отца и про маму. Начнем с того что Вы, Наталья Степановна Данилова, когда родились?

О – в 1927 году, 13 июня

В – кто Ваши родители?

О – мать была машинисткой, отец, я не знаю, он, наверно, высшего образования не имел, ну, агрономом работал последние годы.

В – обязательно имел высшее образование и диплом о высшем образовании Вы нам дали.

О – я Вам дала.

В – да, у него высшее образование сельскохозяйственной академии.

О – он работал в издательстве «Беднота», выходила газета такая. Это было в тридцатые годы. Во всяком случае разогнали эту газету в 34 году, когда посадили отца. Как говорила кто-то из моих родственников или брат, или сестра, что разогнали всю газету, всех посадили. Во всяком случае я случайно встретила, ехала в поезде, невестку сотрудника моего отца, которая тоже, в общем, это были пятидесятые годы, она только сказала что он только умер в тридцать четвертом году. Ну когда стала спрашивать как умер, я поняла, что он тоже был посажен. В общем летом его посадили, а он агроном, был журналистом в этой газете «Бедноте», писал маленькие книжечки, у нас даже они были, вот такого формата, книжечки «Как сажать картошку», «Как сажать свеклу»

В – популяризаторские такие.

О – да-да, на простой бумаге, мы тогда все бедные были, вот. Ну, что про него говорили, что он был веселый, общительный, что у него было много друзей, что он любил выпить, что он был очень хороший человек.

В – а кто это говорил?

О – соседи по коммунальной квартире.

В – а Вы его помните хоть сколько-нибудь, ведь Вам 7 лет было, когда его не стало?

О – очень мало, дело в том, что он жил в другом месте, в Столешниковом переулке мы жили в бывшем зале в большой коммунальной квартире. В советское время эту залу разделили на две комнаты, здесь был вход, здесь прихожая, здесь жили две мои тетки, здесь жила моя мать, здесь была тоненька перегородочка.

В – все было слышно между ними?

- О – да, все было слышно.
- В – жила Ваша мать, а Вы где жили?
- О – и мы здесь жили, четырнадцать метров квадратных.
- В – а Вы – это мама, Вы, Ваша сестра Марина и Ваш брат Саша?
- О – да, да, и мой брат Шурик.
- В – Шурик он дома, то есть вас было четыре человека, а папа где?
- О – он жил – Брюсовский переулок, это улица Горького, недалеко от Столешникова, где мы жили..
- В – почему они жили порознь?
- О – все время речь шла о том, чтобы обменяться эту комнату и комнату отца, но поскольку мы здесь жили, общий тамбур с тетками и мать была не энергична и отец, наверно, тоже.
- В – как маму зовут?
- О – Екатерина Владимировна Осоргина, потом Данилова.
- В – кто из них старше, кто моложе? У них разница в возрасте была?
- О – очень большая, была очень большая разница, лет пятнадцать.
- В – до этого у папы другой жены не было?
- О – не знаю, не знаю, причем его родственников мы знали. Его племянница до войны жила у нас как домработница и училась, потом уехала туда обратно.
- В – племянница у вас, вот в этой маленькой комнатусечке?
- О – у нас была большая коммунальная квартира, она там в коридоре спала. Там еще три домработницы жили вместе в закутке.
- В – как зовут эту девушку?
- О – Татьяна.
- В – это получается Ваша двоюродная сестра?
- О – да, моя двоюродная сестра, мы ее очень любили, очень веселая, живая.
- В – куда она потом подевалась, Вы не знаете?
- О – она вышла замуж, уехала в Каргополь, сейчас она умерла уже.
- В – вы поддерживали отношения?
- О – поддерживали отношения.
- В – если она Ваша двоюродная сестра, значит у отца был, как минимум, брат?
- О – у него было две сестры – Елена, а вторую никак не могу вспомнить, то ли Мария, то ли Анна.
- В – видали когда-нибудь?
- О – нет, я их не видела, но знаю, что они существовали.
- В – а про дедушку, про бабушку Даниловых? Что-нибудь знаете, кто они?
- О – моя мать говорила, что он был очевидно достаточно состоятельным и богатым, он не был купцом, он был крестьянин, но, как говорила моя мать, он выучил грамоте не только сына, но и двух своих дочерей. Они были грамотные для того времени еще в такой глуши. Архангельская, э-э, Волонецкая губерния, по-теперешнему Архангельская область. А больше ничего не знаю.
- В – Вы знаете бабушку, дедушку, Вы их застали?
- О – нет-нет, он вообще к Москве никакого отношения не имел.
- В – Ваш папа жил в Брюсовском, вы в Столешниковом, вы редко видались?
- О – я его не помню, только помню один раз пришел в гости или не в гости,

ну пришел в эту комнату, и дальше я ничего не помню.

В – Вы старшая или средняя?

О – я средняя, старше брат на год.

В – он тоже не помнит папу?

О – я никогда не спрашивала.

В – а по ощущениям как?

О – ну что он бы хотел как-то, у него какие-то сыновние чувства были больше чем у меня к нему, вот это я знаю, а вот помнит он его или нет – вот этого я не знаю.

В – а Ваша мама кто?

О – мама была машинисткой.

В – ну это было, в советское время была машинисткой, а вообще она кто?

О – ну она была дочерью своих родителей, ее мать, Вера Нестеровна, считала, что дочери не должны учиться. У нее было три дочери – Вера, Мария и Екатерина, она считала, что они не должны ни работать, ни учиться, поэтому, она была еще маленькая..(неразборчиво).

В – мама какого года рождения?

О – по-моему девяносто пятого.

В – значит ей было двенадцать лет, когда началась революция.

О – в четырнадцатом году она стала работать в госпитале медсестрой, как тогда многие.

В – в Москве?

О – в Москве.

В – А она вообще из Москвы?

О – нет, опять же очень мало знаю. Они жили под Самарой, у них было свое имение, были они богатые или нет, не знаю, наверно нет, но в девятьсот пятом году, когда началась революция, их имение было сожжено, разрушено и разграблено, причем мать очень не любила об этом говорить, но однажды она сказала, что их имение разграбили не бывшие их крестьяне, а кто-то другой, какие-то чужие.

В – а что за имение было? Непонятно?

О – а я не знаю. Это была в общем-то степь, наверно, как я понимаю, наверно, что-нибудь животноводческое, какие-то коровы, вот так.

В – а что-нибудь про дедушку-бабушку знаете Осоргиных? Что они из себя представляли?

О – у Веры Нестеровны был очень тяжелый характер, властный, сильный, в девичестве Постникова. И что в общем обстановка в семье для моей матери была довольно тяжелая.

В – я смотрю Ваше генеалогическое древо, поняла, что это не Ваше

О – это не мое.

В – Постников Нестор Васильевич, врач, создал методику лечения туберкулеза кумысом, за это получил звание дворянина, он за это получил звание дворянина? Осоргины же ведь дворянский род.

О – Осоргины да, а этот нет, это Постников. Он был врачом в Петербурге.

В – ну кумысом в Петербурге не лечили, кумысолечебницы...(неразборчиво).

О – он женился на девушке, которая болела туберкулезом. Он все бросил в Петербурге, уехал в Самару, организовал там кумысолечебное заведение, курортный зал, как они там говорили, и лечил там туберкулез. И вылечил ее. А

его жена была англичанка Мэри Джейн Уэллингс, видимо вот эта. Это под вопросом, вот она по возрасту, по всему.

В – а где же он нашел англичанку? Непонятно?

О – в Петербурге. Звали ее Мэри Джейн, это ее отец, его звали сэръ Генри Джон Уэллингс. Ее звали Мария Андреевна в России.

В – это ваша прабабушка. Вот значит врач Постников и Мария Андреевна родили в итоге Веру Нестеровну Постникову, которая вышла замуж за Владимира Владимировича Осоргина, а он, как написано «земский начальник Самарской губернии», в Самаре была кумысолечебница, соответственно, они жили в Самаре, и тут она познакомилась с Владимиром Владимировичем Осоргиным. А что мы знаем, кроме того что он земский начальник, начальник чего? Не мог же он быть начальником губернии, Вы же сами это понимаете.

О – ну вот не знаю, так мой брат написал, я написала «в Самарской губернии», у нас дома говорили земский начальник, начальник земства какого-то. Видимо, это надо узнать, наверно, Самарская губерния была разделена на какие-то земства, вот начальником одного из них он был.

В – ладно, это непонятная история. Вы никого из них не знаете?

О – нет... (неразборчиво, говорят одновременно).

В – Вера Нестеровна умерла в 18 году, они оба умерли в 18 году и у них было три дочери.

О – у них было три дочери и три сына.

В – и что Вы знаете про сыновей?

О – Старший сын Николай был военный, царский офицер, его еще в царское время за вольнолюбивые или вольнодумные проявления сослали или не сослали, но отправили служить на Дальний Восток. Когда началась революция, мне мать говорила, как я помню, что его большевики расстреляли в 18 году, я мать спрашиваю: «Откуда ты это знаешь?» Это я помню этот разговор, но я была девчонка, лет 12 до войны-то ну, 14, а она так упрямо: «Знаю, знаю», я говорю: «Откуда?», она так и не сказала. Но в то время в России публиковались списки убитых и расстрелянных офицеров, а мой брат сказал, что наш дядя где-то на Дальнем Востоке вступил в отряд и сражался с большевиками, и тот отряд был полностью уничтожен, что он погиб в бою с большевиками.

В – а он откуда знает какой отряд?

О – а это сказал наш дядя, его брат, откуда он знал?

В – хорошо. Значит дядя Николай – такая судьба, а еще два брата,?

О – второй брат Александр, он до войны был любимцем матери, закончил кадетский корпус, был красавец, очень интересный человек, могу показать фотографию, а уже в последние годы жизни он был эконом-географом, работал в Алма-Ате, был ли он кандидатом наук или нет не знаю, но во всяком случае, он как-то к нам приезжал и показывал рукопись, которую хотел опубликовать.

В – что это было – диссертация или книжка?

О – не знаю что это было, но он давал ее мне почитать, потому что я тоже в то время уже была эконом-географом, значит это был конец сороковых годов. Я открываю – на первой странице какие-то похвалы Сталину, я ему говорю: «Дядя Саша, почему ты так пишешь?», а он говорит: «А иначе не опубликуют». Дальше я уже эту рукопись не читала, но знаю что в те годы, когда я училась на географическом, потом он туда приезжал на

географический факультет и общался с теми эконом-географами, о которых я думала, что они достаточно почтенные ученые. Но что я могла думать, студентка, правда это или нет – не знаю.

В – А третий брат? Александр, Николай...

О – третий брат Сергей. Он попал в Красную Армию, после революции в 18 году, даже получил от Советской власти орден, один из первых орденов Советской власти за храбрость или там за что. Его сын этот орден сдал в исторический музей в Москве. Когда он его туда принес, говорили, что это очень ценный орден, очень интересный орден, потому что «ах-ах» .

В – Вы с ними поддерживали отношения, с сыном, тоже Ваш двоюродный брат, сын Сергея?

О – Да, сейчас расскажу. Но в общем, вскоре он оказался во Франции, да Сергей, мой дядя, причем мать говорила, что как-то случайно, не то что он бежал, не то что его выгнали, а он случайно, все думали то ли он попал в окружении, не могу сказать, но у него остался сын. Сын Константин, тогда он еще был маленьким ребенком, сейчас умер.

В – Жил где, в Москве?

О – он жил в Москве, детство его в Москве. Потом его дед по линии матери был царским генералом, то ли по этой причине то ли по какой другой, в общем его с матерью и бабушкой, женой этого генерала, из Москвы выгнали и они поселились в Казани, в Казани он закончил авиационный институт и распределился в Пермь и в Перми он работал на авиационном заводе, был одним из ведущих конструкторов в самых таких сложных условиях.

В – а фамилия у него Осоргин?

О – Осоргин. Ну сейчас он умер, там у него есть два сына. Один сын – инженер, не знаю, чем занимается, но он такой положительный интеллигентный человек, а второй сын – строитель какой-то такой, не знаю как назвать, очень приятный, более активный, более веселый, женился на дочери золотаря. Золотарь – это мужик который чистит туалеты.

В – канализацию?

О – была ли там канализация или нет...

В – ассенизатор, в общем.

О – Да, у них родился сын, сын сейчас начальник рынка в городе Перми, тоже Осоргин.

В – интересно тасуется колода: внук царского генерала дворянина Осоргина женился на дочери золотаря.

О – ну я, между прочим, видела эту девочку, она может быть совершенно глупая, вот ее мать...

В – ее родственница?

О – ее родственница, она говорила, она была учительницей, жена Константина, «Я ее еле дотянула до 10 класса», а потом работала рабочей, но она была хорошенькая, складненькая, какая-то очень приятная,

В – уютная

О – она родила, вот он женился, потому что она родила ребенка, будучи ученицей 9 класса. В школе сказали, что у нас школа для детей, а не родильный дом, и ее исключили из школы.

В – она ему ребенка родила?

О – ему, да. Вот того мальчика, который сейчас начальник рынка.

В – интересно, но это братья, а сестры? Значит мама старшая, средняя, младшая?

О – старшая была Вера, здесь ее нет, любимая дочь бабушки. Она Вера Несторовна и та Вера. Красивая, избалованная, ни к чему неприученная, холеная–перехоленая, окончила школу Самарскую с золотой медалью, потом поступила до революции в училище ваяния и зодчества.

В – ВХУТЕМАС?

О – да, но ВХУТЕМАС уже был после революции. Была ученицей Юона, такой художник был. Потом началась революция, она работала медсестрой во время войны, как и моя мать, в госпитале. Как многие дворяне в то время и как даже царская семья, а потом стала работать машинисткой вот в этой «Бедноте», где работали мой отец и моя мать. В 34 году ее вместе с отцом арестовали.

В –мама работала машинисткой вместе с отцом, в «Бедноте»?

О – да.

В – почему же ее не арестовали? Непонятно.

О – не знаю, не могу сказать.

В – тетя Вера хорошо рисовала?

О – хорошо, вот ее рисунок, этот и вот этот.

В – хорошо рисовала!

О – потом нас было много карандашных рисунков ее, но я повертела–повертела их и выбросила.

В – почему?

О –ну зачем они мне? (рассмеялась). Выбросила их и все.

В – ну хорошо, выбросила – это исправить уже нельзя, но понять этого я тоже не могу.

О – еще Вам скажу про себя. Мы много раз переезжали туда–сюда, но это особая статья. Но у них, у теток, ну скажем, у моей матери был чемодан писем, написанных на французском языке. И когда мы все перепаковывали–упаковывали, причем этим занималась всегда только я, ну тетки еще, а у меня двое маленьких детей, работа, т.е. у меня было время этим заниматься, бросить своих детей, бежать туда, там все упаковывать, организовывать. Ну, в общем, я теткам сказала: «Давайте выбросим этот чемодан», и я его отнесла на помойку.

В – ну хорошо, это тоже уже нельзя исправить, что об этом говорить, но это чудовищно.

О – мать моего мужа, когда умерла, у нее тоже был чемодан писем. Я тоже отнесла его на помойку, но там были письма уже советского времени. А я ее очень не любила, там было много моих писем. Я когда раскрыла, стала их читать, думаю: «Нет, надо их выбрасывать моментально» .

В – это сестра Вера, а третья сестра?

О – вторая была Мария, была нелюбимая сестра.

В – дочка?

О – да, но когда она кончила...

В –интересно, откуда Вы это можете знать, мама говорила?

О – мать говорила.

В – как так может быть любимая дочка и нелюбимая дочка?

О – вот так, у нее был любимый сын Александр, который был потом эконоом–географом, и дочь Вера, а остальные так.

В – ну и что тетя Мария?

О – она вопреки желанию матери еще до революции поступила на женские медицинские курсы, наверное, в Петербурге, что ли, или в Москве. Закончила их, причем, отец давал деньги на учебу по секрету от матери, от жены, еще Мария зарабатывала деньги тем, что преподавала, репетиторствовала. Очень самостоятельная, волевая. Как моя бабушка говорила.... похожая по характеру на свою мать. Она закончила эти курсы и уехала до революции работать в город Красноуфимск. Там она вступила в партию большевиков, вышла замуж за какого-то комиссара, как мать говорила, и жила там, жила.

В – фамилию не поменяла?

О – нет, не поменяла, Осоргина. Началась революция. Как сказала сама тетя Мария сама о себе, причем сказала, уже когда мы здесь жили – что на Урале без конца менялась власть, то большевики, то чехи, то царская власть». И она сказала, что самая кровавая, самые беспощадные были большевики. Она бросила свой партийный билет и уехала в Москву.

В – и мужа-комиссара?

О – а муж умер, во время войны был тиф и он умер но все это держалось в страшном секрете. Вообще, ничего нельзя было говорить в семье, кто дед был, нельзя было говорить, кто вот эти все Осоргины.

В – про Осоргиных нельзя было говорить. А что вот тут у Вас, я спросила есть какая-то святая есть Святая Юлианна Назаревская, правда это аж семнадцатый век, мощи Св. Юлианны хранятся в храме Святителя Николая г. Муром в краеведческом музее хранится икона Св. Юлиании, а откуда известно, что это ваша родственница?

О – Осоргина.

В – ну и что, мало ли Осоргиных?

О – видите учебник, хрестоматия школьная открываем, смотрим.

В – я посмотрю. «Повесть о Святой Иулиании». Почему вы думаете, что это Ваша родственница?

О – тут написано 405, ... (думает), в общем вот что, когда мой брат рисовал это дерево, сейчас я в этом разбираюсь, тут к сожалению есть разрыв, между ней и вот этими.

В – ну и кто сказал, что Св. Иулиания – это Ваш предок, может дальнего рода, но не по прямой.

О – нет-нет, нашего (рода). Причем, Осоргины были еще Самарские, были под Москвой, Калужские, те были более богаты, более знамениты, были в Перми Осоргины.

В – и в Пермь же и вернулись.

О – и все они от Иулиании.

В – у нее было такое количество детей, у Святой Иулиании.

О – ну тогда же помногу рожали. Вот Калистрат, который написал все это. Между прочим, тогда же писали на древнерусском языке, а я все это перевела на современный.

В – скажите, дальше произошла революция, тетя Мария (тетя Маня), тетя Вера и Ваша мама, они все вместе жили в Москве?

О – в Москве, причем, вот в этой комнате. До революции они жили на Пречистенке. Причем, мы в эту квартиру ходили, там кто-то оставался жить там, по-моему, оставалась жить жена их брата. Была у него жена. Когда

началась революция, они уехали оттуда, просто скрылись, переехали вот в эту комнату и жили.

В – а у всех трех сестер фамилия была Осоргина.

О – ну, моя мама была Данилова по мужу.

В – что представляла из себя эта квартира?

О – ну как же, я же там выросла. Там пять или шесть больших семей. Прямо над магазином “Алмаз”, на последнем четвертом этаже была наша квартира.

В – сколько комнат там было? Какая кухня, коридор?

О – один, два, три... шесть, семь комнат, шесть семей.

В – каждая комната перегороджена?

О – нет, перегороджена только большая наша, а дальше, что ни комната – семья, комната – семья.

В – что за люди?

О – интеллигенция, в общем.

В – коммунальной склоки, как это принято говорить, зощенковской не было?

О – ну, в общем, было конечно. Была домработница, которая... У тетки Марии довольно тяжелый был характер, властный, поэтому ее не любили. Иногда домработница говорила: “Надо разогнать это дворянское гнездо”.

В – домработница не Ваша двоюродная сестра? А просто другая домработница?

О – не наша, другая.

В – две домработницы было?

О – три домработницы было. Одна была у еврейской семьи, муж и жена, которые были врачами. Отец, партийный, все время читал положительные доклады в нашей школе 7 ноября, 1 мая, Новый год. собиралась вся школа. Отец моей подруги Натальи Зайдшнур, она была моя ровесница, отец Исаак Аркадьевич Зайдшнур.

В – он был знаменитый врач?

О – он был лечебный врач, не знаю, знаменитый или нет, но он был партийный, думаю что, он был порядочный человек. Меня эта семья очень любила и брата моего Шуру любила. И даже моя тетка боялась: «Ах, Шурик слишком дружит с той Наташей, как бы он на ней не женился», но этого не произошло. Не знаю, к счастью или нет.

В – это одна семья, одни соседи, а другие?

О – еще скажу про эту семью. У матери Зинаиды Зайдшнур был очень знаменитый брат. И поскольку они меня любили, он был знаменит партийностью своей, он очень близок был к ЦК партии.

В – что за человек?

О – а черт его знает, не знаю, я же была маленькая. Я только помню – мы дачу снимали на Сходне – и однажды они к нам приехали мать с дочерью, Зинаида с Наташей. И мы пошли в общежитие этих вот партийцев. И у меня было прямо какое-то чувство, что там был Рыков, еще кто-то из знаменитых людей. Но в 37 году этого любимого брата посадили, это была для них конечно громадная травма, но уже можно представить, что это была за семья. И как они относились к нам, у которых то же самое случилось. Вот. Была семья, он был бухгалтером, не знаю, где он работал, но еще до войны он уехал в Монголию с семьей .3 года или там сколько пробыл в Монголии,

потом немножко побыл здесь, и потом во время войны уехали, бухгалтером он опять, семья уехала в Англию.

В – надо же!

О – вот такая семья, имели одну комнату в коммунальной квартире, представляете тогда жили, какая семья... у меня такое впечатление, что он был сексотом, как мне теперь кажется. Но опять же теперь в этой семье была девочка, которая была ровесницей моей Марины, и опять же мы были друзьями, и опять к нам там очень хорошо относились.

В – они давно ведь вернулись? Самые страшные тридцатые годы вы жили вместе.

О – вернулись. Нет-нет в страшные годы они были в Монголии, во время войны – в Англии, а после войны не знаю. Где они работали, где что, как не знаю.

В – еще какие семьи были?

О – еще была семья, муж и жена, он до войны был нэпманом, ездил во Францию и привозил оттуда модные товары, в основном, одежду для дам. И у него был свой магазин на Петровке в Пассаже. Когда начали громить нэпманов, он уехал к сестрам жены, скрывался там, он уже был слепой, старый, но все-таки его поймали, отловили, хотели посадить. Но мы знали, что открывать дверь нельзя, надо быть начеку. Он умер на май, жена его тоже умерла. Вот. Потом еще была певица, которая пела русские народные песни. Она и ее мать была. Ну, певица такого не очень такого большого масштаба, но во время эвакуации они уехали из Москвы и квартиру потеряли. Все наши соседи.

В – у меня складывается совершенно замечательная картина: «интеллигентная публика, все друг друга любят, помогают. Двери, понятно, нельзя открывать». Значит известно, почему нельзя открывать, значит можно было довериться соседям, а как же сексот?

О – не знаю, не знаю.

В – а кухня большая была?

О – большая, большая, метров 20.

В – проблемы с очередностью не возникало? Туалет, ванная, у вас была ванная?

О – в ванную была, утром проблемы с туалетом, ванная, очень часто мылись утром на кухне, утром встаешь и моешься на кухне

В – в тазике?

О – нет, не в тазике, был кран с холодной водой, горячей не было, вообще у нас. У нас газ появился, хотя это хороший дом, только в сорок девятом году.

В – до этого в баню ходили?

О – а у нас была колонка газовая, грели колонку, а во время войны ходили в Сандуновские бани.

В – в школу пошли куда, какая школа, где?

О – помню, сто семидесятая школа была. Она во дворе между Петровкой и Дмитровкой на уровне театра Станиславского и Немировича-Данченко.

В – я поняла.

О – почему-то эту школу считали очень плохой, там хулиганы, бандиты, там все очень плохо. А у меня была подруга, у которой была очень энергичная мать. И эта энергичная мать перевела нас, по-моему, в шестьсот тридцать

пятую школу, новую, тут же в этом дворе, рядом построенную школу, меня и свою дочь, мою подругу. Вот закончила я до войны шесть классов, седьмой класс заканчивала во время войны экстерном по полузачетной системе, получила справку, но когда закончила, школы стали работать. Первые же годы после войны не работали, и пришли в эту шестьсот тридцать пятую школу возвратились, но только уже не в шестой, а в восьмой класс. Директорша нас, меня и подругу, не приняла, потому что в экстерне «плохо учат». Тогда эта энергичная мама меня и свою дочь устроила учиться в пятьдесят девятую школу. Это очень хорошая школа, эту школу Вы можете знать, вообще, это очень хорошая школа, она расположена на задах Музея им.Пушкина. Знаменка она сейчас называется, как раз сзади этого музея изобразительных, или как там его, была школа.

В – сзади там был музей Маркса–Энгельса

О – да-да, а здесь правее через дом наша школа.

В – и она была хорошей?

О – она, до того как мы поступили, может быть до войны, это была спецшкола, причем она была через реку от Дома правительства. У нас очень много правительственных детей училось.

В – пятьдесят девятая?

О – да, пятьдесят девятая.

В – а ведь после войны ввели раздельное обучение, мальчики от девочек.

О – да, мы уже учились как девочки, там были только девочки.

В – Вы заканчивали женскую школу?

О – да, сейчас эта школа одна из лучших школ Москвы, это математическая.

В – пятьдесят седьмая?

О – да, пятьдесят седьмая.

В – кто ж не знает пятьдесят седьмую школу?!

О – у нас был прекрасный математик, прекрасный литератор.

В – кого-нибудь помните?

О – я очень любила математику. Александр Степанович Доронин. Ну, я про него ничего не могу сказать. Только знаю, что он очень любил. И меня он очень любил. Вообще я в школе, где бы я ни училась, в школе я все время была одной из лучших учениц по математике. И я мечтала поступить на мех-мат, но когда дело дошло до того, чтобы поступать – у меня такая биография, что я боюсь, боюсь поступать. И я решила поступать на географический факультет, потому что это неинтересно, там такие дураки, уж туда-то меня примут. Но потом в общем очень довольна, что закончила географический.

В – а конкурса не было на географический?

О – четыре человека на место, а на мех-мате было, скажем не четыре, а в два раза больше.

В – когда поступали на географический факультет Московского университета, там тоже надо было заполнять анкету?

О – когда поступала, наверно, нет, или какая простая анкета.

В – ну как же, везде одинаковая была, что на геофаке, что на мех-мате. Надо было писать кто папа, мама, где они, что они.

О – ну, наверно, написала, что умер. Умер, что я могла воскресить? Но он к тому времени уже умер.

В – давайте вернемся назад, в вашу коммунальную квартиру: в одной

комнате живут две тетки, тетя Маня и тетя Вера, а в другой комнате вы вчетвером. И в какой-то момент сначала получается, что две сестры и папа работают вместе, а почему получилось, что они работают вместе?

О – не знаю, это я не могу сказать.

В – две сестры – машинистки, а вторая сестра – врач, а где она врач, тетя Маня, где она врачом работает, сколько времени?

О – она работает в городской обычной поликлинике, районной.

В – она терапевт?

О – да.

В – и эти две сестры не замужем?

О – Мария была замужем.

В – но потом, когда вы уже вместе, какие у троих сестер отношения?

О – командовала всеми Мария, тетя Маня. Она всеми нами командовала, она была главой нашей семьи, тетя Вера была бессловесное несчастно существо, не энергичная, вялая, какая-то потухшая, ее очень было жалко, но она – пустое место.

В – а мама?

О – и мать такая же.

В – вся энергия и сила воли только одной сестре досталась.

О – мать было более волевая, чем тетя Вера, хотя бы потому, что вышла замуж, причем все усугублялось тем, что об этих говорить нельзя.

В – нельзя об Осоргиных говорить, потому что они – дворяне?

О – да-да, и потому что один брат расстрелян, а второй – во Франции. И про отца нельзя говорить, потому что моя тетка его терпеть не могла.

В – тетя Маня? почему?

О – тетя Маня, не знаю.

В – она что, считала это неравным браком?

О – да нет, она как раз была самая демократичная, она вот это все дворянское отринула от себя, вместе с нелюбовью к матери и желала ничего знать.

В – когда Вы узнали, что Вы дворянского происхождения, Вы про это знали с детства? Но про это нельзя говорить?

О – многое нельзя было говорить.

В – как же маленьким детям можно было это объяснить, про что можно говорить, про что нельзя?

О – мы сами чувствовали, сами понимали.

В – даже доверенной подружке в школе тоже нельзя было рассказать?

О – никому, никогда я не говорила, кто мой отец и кто мои родители. Я об этом стала говорить только, когда началась перестройка.

В – как же так, объясните мне, я хочу понять, как Вы отвечали на вопрос подружки: «Наташа, а где твой отец?»

О – никто не спрашивал.

Конец стороны А, начало стороны В кассеты № 1.

В – все были приучены молчать?

О – разные были, я помню, у нас в школе был мальчик, у которого

родители были арестованы, об этом знала вся школа, и все учителя его жалели.

В – это уже в тридцать седьмом, попозже, но не когда у Вас, постарше.

О – нет, ну это было до войны, наверно постарше, я уже в школу пришла, у меня отца уже не было. Я помню ,у нас была учительница, к сожалению, я забыла, как ее звали, но она была еврейка и черненькая и у нее...

Перерыв, пришел мастер.

В – вернемся к учительнице.

О – во втором классе спросила меня: «Где твой папа?» Я ее ненавидела, я не помню что ответила, но я ее ненавидела и боялась. Но я ей не сказала. Он еще тогда был жив наверно, нет уже он умер, но я помнила эту учительницу все время.

В – это первая Ваша учительница? Начальная школа?

О – у нас тогда очень сильно менялись учителя. Она, я была во втором классе, вот сейчас когда я вспоминаю об этом, я уже стала взрослой, эта учительница была очень бедно одета, очень скромно.

В – она без всякой задней мысли Вас об этом спросила, это был элементарный вопрос.

О – ну мне-то показалось, что с задней мыслью.

В – ну, у Вас это больное было.

О – у меня больное. Ну надо же, вот девочка во втором классе ненавидела и боялась учительницу за это, за то что она спросила, где твой отец, вот так.

В – я хочу понять: вы живете в двух маленьких комнатах впятером, тетя Маня всем командует и распоряжается, а денежки чьи?

О – а мы живем общей семьей, общий стол и общий кошелек.

В – зарабатывает больше всех тетя Маня?

О – конечно.

В – это нормально, то что общий стол? Вы не чувствуете каких-то проблем, вот Вы ребенок?

О – нет, я не чувствую. На столе лежат яблоки, так вот как сейчас, взять это яблоко я не имею права, я должна спросить.

В – у кого?

О – у тети Мани.

В – обязательно у тети Мани, у мамы нельзя?

О – у мамы нет. Конечно, я знаю, что у нее нельзя спрашивать.

В – а она может сказать, что нет, нельзя?

О – я уже этого не помню, я знаю, что у нее нельзя спрашивать. Я знаю, что когда мы пьем чай в чайную чашку можно положить только одну ложку сахара, еду надо доедать все до конца.

В – ну у вас, видимо, не так много денег.

О – конечно, мы плохо жили. Тетка кормила нас троих, но мать работала, мать машинисткой работала.

В – и тетя Вера тоже работает машинисткой?

О – тетя Вера как-то мало работала. Думаю, что она в общем ... , но тетю Веру уже в тридцать четвертом году посадили вместе с отцом, и она отсидела. В тридцать седьмом она вернулась, но в тридцать седьмом в Москве она не

могла жить, она поселилась в Калязине. Причем она жила в одной комнате вместе с матерью артиста Евгения Весника. Она с ней жила, мы с тетей Маней ездили туда к ней.

В – так мать артиста Весника жила в Акмолинском лагере в это самое время. Уже потом после войны?

О – может быть после войны, уже когда ее освободили очевидно, точно, я не ошибаюсь.

В – интересно. Потому что мать актера Весника была в Акмолинском лагере жен изменников родины и вернулась из лагеря только после войны.

О – может быть и после войны, я уже точно не помню. Да, наверное, после войны, потом моя тетка дала взятку в домоуправлении, и тетю Веру прописали в Москве. И она год прожила в Москве, через год пришли и сказали: «Пусть она убирается», и она уехала в Савелово, под Москвой, и жила в Савелово, вот. Как она там жила, я не знаю.

В – а потом?

О – потом она была реабилитирована, и после реабилитации, да потом во время войны она уехала в Курск. Там у нас жила родственница, значит она уехала туда. Наверно, после того как ее освободили, она в тридцать восьмом, наверное, освободилась, да, она в Москве не могла жить. Она поехала в Курск. Значит, она жила в Курске, началась война, она в Курске прожила войну и после этого она уехала в Савелово. После войны, раз она войну прожила в Курске, там она не работала, там невозможно было найти работу, и моя тетка посылала ей каждый день деньги на квартиру, которую она снимала и на питание. Значит, тетка кормила нас троих, мать моя сама работала, и еще тетку. Это тетя Маня всех кормила и естественно всеми командовала, и поэтому как мы жили все в этой комнате, я не помню. Я жила в этой комнате у тети Мани на кровати тети Веры, вот здесь была моя кровать, а тут жила моя сестра, мой брат и мать втроем.

В – а Вы, в свою очередь, у мамы спрашиваете – где папа?

О – мы это всё узнали во дворе, когда гуляли и узнали, где кого арестовали, кого забрали.

В – ну и что вам сказали про вашего отца?

О – вот кто-то нам сказал, что нашего отца забрали.

В – и Вы поверили? Или хотели у мамы спрашивать?

О – а потом мы еще жили в деревне на Сходне.

В – это дача, летом?

О – мы там жили много лет подряд, только там.

В – в одном и том же доме?

О – в одном и том же доме, много лет, в одной и той же семье, мы там были уже как родственники.

В – т.е. вы снимали, а тетя Маня платила.

О – не знаю, кто платил, но, наверно. И мы с деревенскими ребятами в округе дружили, и все всё знали. Причем, я не знала, как арестовали моего отца, а мой брат сказал, что летом он ночевал у нас на даче, приехала машина, и его забрали, т.е. вся деревня об этом знала – это мне брат сказал, я этого не знала.

В – что это за семья была, у которой вы снимали из года в год, Вы их помните?

О – помню, бабушку мы звали бабушка. Там большой был дом двойной,

здесь сени, здесь дом и здесь дом, два дома соединены. Здесь жила бабушка и сын, ее сын Петька, а здесь сын Ивана Ивановича с семьей, оба они погибли на фронте.

В – а где вы жили, если тут Петька, а там Иван Иванович, когда вы приезжали, они объединялись?

О – нет, еще была как называлась светелка, в общем, летняя комната, и они жили. Вот Петька и его мать жили в этой комнате.

В – а Вам освобождали свою половину?

О – да, нам отдавали всю эту вот.

В – вы ждали лета? Вам хотелось туда поехать, там было хорошо?

О – там было хорошо, да.

В – что из себя представляет двор в Столешниковом?

О – это был интересный двор, вот это дом большой, вот это ворота, вот здесь мы жили, вот здесь «Алмаз» – магазин, вот.

В – вот это – Столешников, вот это – Дмитровка.

О – да, вот это Дмитровка, вот это Петровка. Здесь еще был один такой же дом, вот половина этого, а здесь были маленькие дома.

В – маленькие в смысле одноэтажные?

О – когда-то здесь были дровяные сараи, это я помню, тут дрова лежали еще в моем раннем детстве. Потом эти сараи ремонтировали, приводили в порядок, надстроили второй этаж, и здесь жили. Ну, народ простой в основном здесь жил. Была у нас семья дворников – Марфа Петровна и дед Иван. Марфа Петровна энергичная, бойкая такая, крикливая, она за двором следила.

В – они прямо в фартуках ходили, как мы в кино видели, с бляхой и в белом фартуке?

Звонит телефон.

В – в белом фартуке она не ходила?

О – нет-нет, но она за мальчишками следила, девчонок защищала, порядок наводила. Здесь гулять нельзя, ругаться нельзя, драться нельзя, вот там сорить нельзя – в общем, командовала. Но двор делился на простых и аристократов.

В – по какому принципу?

О – были дети в этих домах, в этом и том, которые во двор не ходили. Они ходили, гуляли... группы были, в основном, немецкого языка. Причем, у меня такое впечатление было, что в основном туда ходили еврейские дети. Вот моя подруга Натала, тоже из нашей квартиры, тоже во дворе не гуляла. Она ходила в немецкую группу. Значит, школа, потом она ела и шла в немецкую группу. И еще были такие же дети, которые ходили, а мы, я и брат, как-то сестра на три года нас моложе, она не ходила, а мы – здесь вот. Причем, я с внучкой дворничихи дружила, это была моя подруга. Я вообще, вот поскольку у меня такая биография, я любила дружить с простыми, и когда я видела, что богатая и такая советская семья, я старалась держаться от них подальше. Единственное исключение – это вот Натала, с которой я дружила, но у нее дядя был великий, который был посажен.

В – дядя – не дядя, соседка ближайшая, живете в одной квартире, куда уж там.

О – а это – Маруся, моя подруга, я с ней до последнего момента дружила, пока она не умерла недавно, вот так. И причем, через эту мою подругу и через эту дворничиху я чувствовала, что в этом во всем доме уважают и хорошо относятся к тем, кто бывшие дореволюционные жильцы этого дома.

В – а таких было много?

О – а таких много – не мало, но были. Вот к ним было особое отношение, а такие как мы, которые приехали в восемнадцатом году – такие были неинтересны во дворе.

В – а дворничиха была еще с тех времен?

О – дворничиха была еще с тех времен. Причем, вот этот стиль дворников, что он следит за домом, он сохранялся до начала войны, когда я уже перестала ходить во двор.

В – замечательно совершенно.

О – причем, еще у нас был красный уголок, в подвале одного дома. Причем, еще была, видимо, штатная женщина, которая нами занималась, мы ставили пьесы разные всякие, мальчишки не хотели в этих пьесах играть, а играли в основном девчонки. Даже мужские роли играли. Мы, например, ставили «Спящую красавицу» Пушкина по «Мертвой царевне» . Вот я играла эту самую царевну, потом ставили пьесу, называлась «Война этажей» . Значит, пьеса того времени: в подвалах живут бедные, но хорошие, а наверху живут богатые, но плохие.

В – потрясающе, кто автор?

О – ну это я уже не помню.

В – кто костюмы?

О – сами делали. Мы делали дома своим детям, моя Марина кудрявая была в детстве, хорошенькая. Она играла с этажа богатую, а мальчика, тоже из богатых ,играл внук дворника, но очень хорошенький кудрявый черненький мальчик, а уж кто играл этих положительных – я уже сейчас не помню. Еще могу рассказать неприличный анекдот. Была такая пьеса: дети играют на реке где-то вблизи границы. Невинно играют и ловят шпиона, и передают его пограничнику, умрешь(смеется)! Теперь, была у нас внучка дворника, этих дворников, Лидка такая. Она была неплохая, но какая-то дурная была и на положительные роли она не годилась., ну не очень. Но потом она, вроде, выправилась. Вот. Но когда ее однажды назначили на плохую роль, пришла ее мать, такая бойкая и крикливая, и сказала: «Хватит, вы над нами издевались», – имея ввиду, значит... «Не разрешаю моей Лидке играть отрицательные роли», – вот так, и Лидке дали роль пограничника. Причем мать спросили: «А можно, она будет играть пограничника?» – «Да, можно» . Дети передают этого шпиона пограничнику, и последняя фраза, которую он произносит звучит так: «Благодарю вас ребята за бдительность» . Когда Лидку попросили произнести эту фразу, она переделала ее на свой манер (смеется), тогда её научили как надо. Она сказала как надо, но когда начались репетиции, она опять говорит по-своему (смеется).

В – репетиции ладно, а со сцены, во время спектакля?

О – что делать? Тогда решили, что она будет говорить: «Спасибо вам ребята за старательность» .

В – ну она справилась?

- О** – справилась.
- В** – а где был этот красный уголок?
- О** – в подвале вот этого дома
- В** – который во дворе у вас, напротив вашего дома?
- О** – да-да, это все наш двор. Вот здесь была стена, туда был Дмитровский переулок, а здесь вот маленький двор.
- В** – получается замкнутый такой двор.
- О** – да-да.
- В** – с одной стороны ваш дом, с другой стороны вот эта глухая стена.
- О** – да-да, причем вот эти ворота закрывались.
- В** – на ночь, дворники...(неразборчиво).
- О** – не знаю, на ночь закрывались или нет, но днем всегда закрывались, но поскольку эта дворничиха и дворник ходили по двору, чужих сюда не пускали. У нас вот здесь был очень хороший садик, здесь клумба, здесь росли липы, невысокие на вид, были скамейки, на скамейках сидели мамы, маленькие дети играли в песочек, а дворники смотрели, кто придет. Если кто-то приходил чужой из ребят, тут же спрашивали кто ты, спрашивали куда, к кому и не пускали. Да, во двор не пускали. Напротив был двор, оттуда пускали несколько семей, две или три семьи сюда приходили к нам гулять с маленькими детьми, а так никого, особенно, если приходили мальчишки лет десяти – там пятнадцати. Причем, ведь у нас много было в то время беспризорников.
- В** – а Вы помните беспризорников, Вы как-нибудь с ними сталкивались?
- О** – нет, я не сталкивалась.

Пауза.

- О** – в тех сараях на втором этаже поселилась семья. Они такие черненькие были, то ли кавказцы, то ли еврейская семья, но она была такая очень складненькая красивая, хорошо всегда одетая, всегда шла через двор, так что мы ее каждый день видели. И у нее муж был молодой красивый, ну не знаю, кто они, что они были, но, все-таки, они получили здесь на втором этаже чуть ли не отдельную квартиру. У них были трое детей: Эжен, Седа и Рона, причем мальчику уже было лет десять.
- В** – имена какие!
- О** – ну не знаю, кто они, кто-то нерусские. В один прекрасный день их обоих арестовали, очень милая женщина, и осталось трое детей. Двух девочек забрали родственники, маленьких, девочки у нас все время гуляли. И вот эти женщины, которые гуляли с одним ребенком, обычно с этими маленькими девочками возились, а мальчик стал беспризорником. Эжен, и вот этот беспризорник к нам приходил, я помню, что он к нам несколько раз приходил.
- В** – а вообще на улице не страшно было ходить, вы утром выходите, маленькие дети утром идете в школу, не возникала такая мысль?
- О** – я не знаю, не знаю как у моей матери, у меня – нет.
- В** – а мама где работает?

О – машинисткой, она в разных местах работала. Да, когда отца посадили, она, видимо, не работала, но вот дочь–то Марина у нее родилась в тридцатом году, отца посадили в тридцать четвертом, наверное, она не работала. Ну точно я не знаю, но во всяком случае, она стала искать работу, когда посадили отца. И ходила на эту работу. Она искала работу полгода, полгода мы целиком жили на иждивении тетки. Придет на какую–нибудь работу – принимают, когда пишет анкету – не нужна, вот так.

В – куда же она устроилась?

О – она устроилась куда–то такое, где она скрыла, кто она, и тогда ее приняли. Она работала в «Кожсырьеобработке» какой–то, можете себе представить что это такое, а потом она устроилась работать в ЦСУ. Это Центральное статистическое управление при Совете Министров, это такая важная организация, причем, она там оказалась одной из самых грамотных и хороших машинисток.

В – квалифицированных. А оно было тогда как и сейчас на Кировской?

О – оно было тогда Муромский переулочек на Солянке.

В – и надо было ходить на службу к девяти утра и до шести вечера.

О – со Столешникова Солянка–то ведь близко. Может она на трамвае ездила, трамвай ходил ведь о Пушкинской улице, по Дмитровской, через центр. Была драма: раз она хорошая машинистка, ее хотят засекретить и посадить печатать секретные документы. Она и сказать не может и боится, и ее заставляют. Было много разговоров дома.

В – и чем все кончилось? Разговоры какого плана?

О – Как быть?

В – терзания такие.

О – да.

В – а советник всегда и решающий голос тети Манин.

О – во всем ее голос был решающий, но в данном случае я не помню, чтобы она сказала: «Пиши неправду или уходи». Я не знаю, нет, она как–то больше ругалась, но все решалось само собой.

В – Вы сказали, что тетя Маня не любила отца, а на вас это, на троих детях отразилось?

О – она очень любила Шурика. Его так, причем в нашей квартире было четыре девчонки с разницей три года и один мальчик, его все обожали, а потом, когда мы уже выросли, наверно, тетка больше любила меня. Потому что я старшая, мать много работала, поэтому домашняя работа: мыть полы, стирать, убираться, покупать продукты – я много этим занималась, а тетка была деловая женщина.

В – в чем выразалось, что она не любила отца?

О – выразалось в том, что о нем нельзя было говорить и о нем нельзя было спрашивать, и его «не существовало».

В – пока он был жив, или всегда?

О – всегда, всегда.

В – как Вы ему письма писали? Тайком от тетки?

О – ну, я не знаю, все–таки, у нас была отдельная комната.

В – Вы сами эти письма писали или Вас заставляла мама?

О – мама заставляла меня писать.

В – а ответы были?

О – были, а у Вас там есть ответы.

В – а это ответы отцовские?

О – его.

В – в Вас нет ощущения, что Вы ждете письма, что Вы рады его получить, что это обсуждается?

О – нет. Нет я знала, что об этом нельзя думать, об этом нельзя говорить.

В – потому что тетя Маня рассердится?

О – не только что тетя Маня рассердится, а потому что он арестован, и это надо скрывать от всех. Т.е. этого не должно быть. Я уже говорила, что первый раз я сказала о том, что у меня отец арестован, только в перестройку.

В – в горбачевские времена. А что, Ваш муж не знал, кто у Вас родители?

О – нет, знал.

В – т.е. мужу по секрету можно было сказать.

О – я уже не помню, как это я ему сказала, наверно, он узнал, когда стал ходить в наш дом.

В – война началась, помните начало войны? Поменялась жизнь?

О – помню. Поменялась – не поменялась, еврейская семья уехала в эвакуацию, вторая семья артистки – в эвакуацию, этот в Англии. Большая семья мы и домработницы. Домработницы сразу поселились в комнаты своих хозяев. Что я помню, мы на четвертом этаже, окна выходили на Красную площадь, в центр, на Лубянку. Это кухонные, наши выходили обратно на Столешников. Перед окнами кухни долго-долго всё были мелкие дома, так что все небо было видно. Мы видели, как по небу летали куски сажи, вот такие обрывки, кусочки черной бумаги, точки, все время летают-летают. И мы с этими домработницами, у нас кухня была как клуб, мы часто там вертелись, питание получали, все говорили: «Это жгут на Лубянке документы, архивы» .

В – долго они жгли?

О – ну, это я не помню, во всяком случае лето они жгли.

В – т.е. не один день.

О – нет-нет, не один, не один, может несколько дней, может месяц.

В – вообще ощущение – страшно?

О – ну страшно, да. В нашей семье все боялись и были какие-то сжатые. Чувство страха все время было, это до войны было, я помню, но ведь действительно: отец арестован, семья развалилась, в восемнадцатом году оба умерли от рака. Видимо, они лишились средств к существованию, потому что все их деньги...

В – они от рака умерли оба старшие(нрзб)?

О – оба от рака и в один год. Я считаю, что это было нервное потрясение. Одна сидит в тюрьме, Вера. И вот это чувство страха и боязни пропало только тогда, когда немцы стали подходить к Москве. Причем, ведь никто мне этого не говорил ни брат, ни тетя Маня, ни мать – это чувствовала я.

В – атмосфера поменялась.

О – да, атмосфера поменялась. Как это ни странно, причем, однажды ко мне пришла подруга. И я с ней разговариваю, вот как мы разговариваем. И она мне говорит: "А чего ты так боишься?" Ничего, значит действительно это так, и я все время удивлялась почему ни тетя Маня, ни мама не радуются, что придут немцы.

В – они между собой на каком языке говорили?

О – на французском, чтобы я не понимала, так что, что они думали и что

говорили, я не знаю.

В – и так до самой старости было?

О – потом, может быть, они и забыли, но в детстве они довольно часто говорили на французском.

В – а Вы ничего не понимали?

О – ничего. Нас пробовали учить, у нас была бабушка, тоже Осоргина двоюродная бабушка, которая пробовала на учить французскому, но я отказалась.

В – почему?

О – во дворе, с кем я дружила, никто не учил французский», ну и я не буду.

В – ну, немецкий бы выучили.

О – а к тем я не имела никакого отношения. А немецкий меня не заставляли учить, почему-то меня пытались учить французскому, а чтобы брата или сестру – это я не помню.

В – скажите, а вот тот октябрь, когда уже действительно немцы уже совсем под Москвой, и в Москве довольно сильная паника, а у вас как дома?

О – в нашей квартире наши все время говорили на кухне с домработницами, что немцы под Москвой. Да-да, это ужасно, к нам из домоуправления очень часто приходили и требовали, чтобы мы уехали в эвакуацию, детей чтобы мать вывезла. Но получилось так, что до войны вот эта бабушка, которая двоюродная сестра моего деда, взяла Марину, уехала в Курск к своим родственникам. Началась война, а они в Курске, а поскольку у нас все время говорилось, что мы будем воевать на чужой территории, эта бабушка, которой уже было под восемьдесят, не сообразила, что надо сразу уехать. А когда сообразила, уехать было очень трудно, и как она ни старалась это сделать, она смогла это сделать чуть ли не с последним поездом. Это уже было, я не знаю когда, осенью, во всяком случае, мы уже вернулись с дачи, а на даче мы жили до сентября, значит в сентябре они вернулись.

В – вы даже летом сорок первого были на даче, даже когда война началась?

О – война началась, мы были на даче.

В – как узнали что началась война?

О – радио, наверно, было, у нас, между прочим, были какие-то, через нашу деревню проходили какие-то соревнования на мотоциклах, и ехали мотоциклисты. И поэтому вся деревня была на улице, и все на них смотрели, и все радовались, и вдруг кто-то в двенадцать часов пришел и сказал, что началась война, и тогда все стали говорить о войне.

В – и вы в Москву не поехали, остались на даче.

О – началась бомбежка Москвы, мы в тридцати километрах от Москвы, мы видим как летают самолеты, наверно немецкие, ну, в общем, в деревне все говорили: «Москва разгромлена». И мой брат в первые дни войны, ему уже было пятнадцать лет, поехал в Москву, узнавать.

В – посмотреть как дела.

О – но вот приехал – оказалось, что Москва цела пока еще, и мы продолжали там жить.

В – и когда же вы вернулись только в сентябре?

О – я не помню, наверно, к школе, мы всегда возвращались к школе. Надо сказать, что моя тетка к войне готовилась, у нас было очень много продуктов

запасено – крупа, масло топлено. У нас были такие стеклянные банки большие с прежних времен, несколько банок было этого топленого масла, стояло в шкафу. Три-четыре-пять банок, был большой такой шкаф еще.

В – а что масло топленное может стоять без холодильника?

О – да-да, оно стояло несмотря ни на что, мы очень бедно жили, в каждой банке килограммов пять этого масла и несколько этих банок. Все было забито крупами, и помню еще тушенка[видимо имеется в виду сгущенка] была. И брат научил меня воровать, мы брали банку делали две дырки в банке, сосали из одной дырки это масло, э-э, молоко и потом ставили вглубь.

В – она готовилась специально на случай войны.

О – она готовилась к войне. Причем, вы представляете, если она столько людей кормила. Причем, тетя Вера уже тогда работала в Курске медсестрой, но, может быть, она ей посылала деньги. Одна врачиха кормила. Ну да, ну в общем, уже, скажем, лучше жили.

В – и что, как Вы думаете?

О – и все-таки тут полный большой-большой буфет был, высокий буфет. Все было заставлено продуктами.

В – и эти продукты Вам как-то во время войны...

О – и первый год, когда вся Москва голодала, мы не голодали. А второй год уже у нас был огород, между прочим, в Измайлове, где теперь стоят эти высоченные дома современные.

В – я не знала про огороды, давали москвичам огороды во время войны?

О – во время войны москвичам давали огороды.

В – и посевные какие-то материалы?

О – картошка.

В – а где можно было взять картошку?

О – не знаю, это я не знаю.

В – можно было посеять и не караулить, и не воровал никто?

О – Вы знаете, это было от учреждений, и там был, наверно, сторож.

В – от какого учреждения, от поликлиники?

О – нет, от материного.

В – от статистического управления?

О – может быть, точно я не помню, где она работала.

В – Вы сказали, что приходили к вам и требовали, чтобы детей эвакуировали. Марины нет, но Вы-то есть с Шуриком. И что, мама вас не отпустила?

О – мама говорила – не поеду, а тетка сказала – я никуда не поеду и все. И «Хочешь поезжай, хочешь нет» – матери она сказала.

В – почему? Она не хотела уезжать или она немцев ждала?

О – не знаю, этого никогда не говорила при мне, я только удивлялась, что они не ждут немцев. Мне было 14 лет, когда началась война. И вот 14-летняя девчонка удивлялась.

В – а во время войны работа была для мамы, для тети?

О – тетка – врач, для нее, конечно, была.

В – ее призывали на фронт?

О – ее призывали, ее хотели призвать, но, видимо, она была уже пенсионного возраста. Она сказала: «Не поеду и все», и от нее отстали.

В – тем не менее, продолжала в поликлинике работать и зарплату

получать. А сорок первый год был очень тяжелый в Москве?

О – нас куда не пускали. У нас во дворе был черный ход, можно было только черным ходом выйти и черным ходом вернуться домой.

В – Вам 15 лет, а Вы такая послушная?

О – ну, иногда, конечно, мы выбегали, когда несколько человек.

В – Вам 14, а Шурику 15, и вы слушаетесь? Вам сказали сидеть вот здесь на пяточке, вы так и сидите?

О – ну, все мои интересы были здесь.

В – и что творится в Москве, вы не знаете? Ни затемнения?

О – ну, затемнение у нас было. Окна у нас были завешены. И каждую ночь, каждую тревогу мы спускались в подвал. У нас в нашем доме были подвалы, причем, в этом доме был комиссионный магазин и антикварный магазин. И там хорошие подвалы были, и там хранились крупные вещи, мебель, в основном, антикварная. И мы приходили в эти подвалы, садились на эту антикварную мебель и ждали, когда кончится тревога.

В – а потом, в 42-м году? А мама продолжает работать в ЦСУ?

О – мама продолжает.

В – ЦСУ не эвакуировалось?

О – наверно, нет, я не знаю. Она работала, она еще в «Кожсырьеобработке» работала, еще где-то работала, почему она уходила?

В – а Марину бабушка привезла, а сама уехала в Курск обратно? Или тоже у вас осталась?

О – а с ней, вообще, трагедия была. Она, для того чтобы жить, организовывала такие группы и учила детей французскому языку. Я не знаю, как и почему она уезжала, но у нее был мальчик лет десяти, который у нее жил. Его отец был военный, или не знаю, кто он был, но он был татарин, и мальчик был татарин. Мать у него умерла, а отцу надо было жить на Дальнем Востоке. И когда началась война, отец был на Дальнем Востоке, во Владивостоке, а мальчик был в Москве. И отец стал писать тете Варя, чтобы она приехала во Владивосток. Немцы подходят, все эвакуируются. «Приезжайте во Владивосток, привезите сына, будете во Владивостоке жить». И она, восьмидесятилетняя старуха, села в поезд и поехала во Владивосток. Она приехала во Владивосток. Этот папаша забрал своего сына, сказал: «До свидания» и ушел. А она осталась буквально на улице, а у нее в квартире жила какая-то еще знакомая. И вот этой знакомой или родственнице, я не знаю ее, тетя Варя писала страшные, какие тяжелые письма: «Выхлопочите мне пропуск в Москву». В Москву уже никого не пускали. И кончилось дело, что она там умерла чуть ли не на улице, чуть ли не знаю где. Кошмар! Вот так с ней поступил этот человек, который доверил ей воспитание своего сына. Причем, эта бабушка Варвара Вадимовна, видимо, она была дочерью брата вот этого, нет сестрой его была двоюродной. Во всяком случае до революции, когда был голод в Поволжье, она очень активно занималась этим голодом. И, надо сказать, что Ленин был нашим родственником. Тетя Варя бывала в имении Ульяновых Кокошкино. Я не знаю, знала ли она Ленина или нет, но мать так говорила, что Ленину мы родственники по линии матери. И вот когда в советское время стали у нас говорить, что у Ленина мать еврейка...

В – да, Бланк Мария Александровна.

О – я все как-то сомневалась почему так, ну, наверно, не через мать, может

через бабушку.

В – ну она там была не только еврейская, но и еще какая-то кровь.

О – ну, в общем, мать говорила, что они даже не далекие родственники, а относительно близкие, но не знаю.

В – ну ладно, родственники и родственники, не будем уточнять. Скажите, пожалуйста, с деньгами как во время войны? Карточки были?

О – карточки появились. Я только помню, что, когда началась война, началась паника. Во многих магазинах продукты выдавали, можно было получить в больших количествах, кто-то приходил и рассказывал, что получил пуд муки. И мы с братом все время бегали с утра до вечера по магазинам и покупали продукты, на какие деньги я уже не знаю. И вот однажды, я стою в очереди за этими продуктами, прибегает мой брат и говорит: «Звонила мама, немедленно надо идти домой и сидеть дома». Это было 15 или 16 октября, когда ждали, что придут немцы. И мы сидели дома, уже ничего не делали.

В – Москву в эти дни Вы уже не помните?

О – как говорят, что толпами шли чуть ли не пешком – нет, я не помню. Все-таки мы в центре жили, значит если кто-то ушел от нас..(неразборчиво).

В – Москва пустая, нет ощущения?

О – нет, я не помню, многие эвакуировались из нашего дома. Мне было уже 15 лет, я мало уже гуляла во дворе. Моя подруга уехала в эвакуацию, ее не было. Напротив, с которой я в школе училась, ее тоже не было.

Конец стороны Б кассеты № 1.

Начало стороны А кассеты № 2.

О – ...(обрыв записи) эту печку книгами, медицинские книги моей тетки пошли в ход и какие-то другие, я уже не знаю.

В – книг в доме было много?

О – я не скажу, что много, нет.

В – Вы помните детские свои любимые, что было? Что читали?

О – помню мать нам читала сказки Пушкина, и поскольку она их часто нам читала, я их помню почти все наизусть. Чуковского, а так не помню, любимая книжка была «Приключения Буратино» Толстого, но это когда он ее написал, наверно позже, не помню.

В – перед войной он ее написал. А были в квартире семейные вещи? Этот буфет семейный, не этот, а тот большой с банками, он был из того имения?

О – не знаю, откуда он был. Вот у Иры в комнате зеркальный шкаф – вот он из Самары, вот этот столик из Самары.

В – какие-нибудь драгоценности у сестер на руках, в ушах, золотые – все это сохранилось?

О – есть-есть, даже показать могу.

В – то есть не было необходимости продавать?

О – продавали. Часто ходили в торгсин и покупали там и вещи, и продукты.

В – в обмен на что? На золото?

О – ну, наверно, на золото.

В – а Вы бывали в этом торгсине?

О – бывала.

В – и что это из себя представляло, и где он был?

О – Петровка, дом девятнадцать, там гастроном был в советское время, очень хорошо оформленный.

В – народу много?

О – ну, я мало там бывала, раза два, нет, но таких очередей там не помню. Но я Вам скажу, что когда тетю Веру арестовали, у нас был обыск, и много золотых вещей забрали в их комнате большой. Ну, не знаю. Я помню только, как в этой маленькой комнате у нас идет обыск, и сидит понятой, Зайдшнур, сосед наш партийный, Исаак Аркадьевич, посреди комнаты на стуле, сидит вот так с закрытыми глазами, я на него смотрю и думаю: «Почему он сидит с закрытыми глазами, ведь он же должен следить», – вот мои воспоминания. Потом, когда закончился обыск, моя тетка Мария, довольно бойкая женщина, пошла в милицию и сказала, что вы у нас забрали драгоценности без основания, верните. А они ей сказали: «Катись, иначе тебя еще посадим». Она вернулась ни с чем, остались какие-то небольшие вещи, остатки.

В – какие-то фамильные?

О – наверно, я не знаю, наверно, фамильные.

В – слава Богу, что хоть что-то осталось.

О – да, но когда я была молоденькой и хотелось на себя это одеть, мне тетка этого не давала. Все лежало у нее, не давала. Потом она однажды сказала, что если ты это хочешь когда-нибудь одеть и поносить – ты у меня попроси. Я решила: «Ну нет, просить я не буду». И ничего мне не давала, но зато когда моя Ира выросла, я все ей отдала, пусть носит. Но она была помоложе – одевала, сейчас – как-то не вижу, чтобы она носила, но все у нее.

В – хорошо, конечно любопытно было бы посмотреть. Тем не менее, такой тяжелый властный характер, у вас были открытые доверительные отношения?

О – нет, у меня ни с матерью, ни с теткой не было отношений.

В – а у них между собой?

О – они говорили по-французски (рассмеялась).

В – и тем не менее, ведь видно же.

О – да, в общем.

В – это отношения сестер или это отношение зависимое?

О – нет, отношения сестер. Причем, тетю Веру звали только Верочка, тетю Маню – Манечка, маму – Катенька. Они друг к другу обращались только так.

В – они были понятно какого воспитания. Они могла голос друг на друга повесить, хоть по-французски, хоть как?

О – друг на друга никогда, а кто мог повышать голос – только тетя Маня. Она поворчит-поворчит, не на нее, а в пространство, а Верочка сидит несчастная, господи, такая несчастная.

В – она была добрая?

О – я бы не сказала, что она была добрая. Она тоже плохо относилась к отцу. Причем, каким-то образом считала, что отец виноват, что ее посадили, и это распространялось на нас, на детей.

В – каким образом?

О – если тетя Маня, совершенно ликвидировав отца, она нас всех обожала, то тетя Вера к нам относилась плохо. Но тетя Вера ведь мало с нами жила. В тридцать четвертом ее посадили, до тридцать четвертого я не помню ее

отношения, а у нас она появилась только в пятьдесят шестом году, когда я уже была взрослая и была замужем, и ушла из семьи. Один раз я как-то с тетей Верой разговаривала о тете Мане, и она как-то о ней очень грубо говорила. И я поняла, что ей очень тяжело было жить с тетей Маней.

В – а у мамы такого не проскальзывало, у мамы такого не было?

О – господи, мать была так забита. Я помню такую сцену: тетя Маня чем-то зла, причем, она готовит на кухне, ходит из комнаты на кухню туда-сюда, ворчит, ходит, ругается. Мать сидит в этой комнате и плачет, не знаю по какой причине.

В – а плакать надо тихонечко, чтобы тетя Маня не слыхала?

О – ну, не навзрыд, а вот сидит и плачет, и плачет. И я ухожу из комнаты, чтобы не видеть этого. И между прочим, я помню, что мать плакала из-за того, что тетя Маня была чем-то зла, но не на мать кричала, а кричала так просто в воздух. Но мать очень часто плакала, в детстве я помню, она плакала и вспоминала отца. Сидит на диване, плачет и отца вспоминает. Значит, у меня было такое впечатление, что она была привязана и любила его, несмотря на то, что он, судя по фотографиям, был неинтересный человек.

В – может плохая фотография?

О – нет, это не одна фотография, их несколько таких фотографий.

В – он постарше ее, и они разного немного круга, но что-то же их связывало, трое детей между прочим. Скажите, она, мама потом замуж не вышла, почему? Она ведь интересная и молодая?

О – ну что Вы, нет конечно. Она меня родила в тридцать пять, под сорок родила Марину, когда же ей выходить, да нет.

В – Вам такое даже в голову не приходило?

О – конечно нет.

В – как узнали о том, что отца не стало?

О – было письмо. Написал письмо его сокамерник, они переходили, куда-то их перегоняли, и они пешком куда-то шли и шли. А отцу уже было, ну пусть, шестьдесят лет, нет пятьдесят пять лет было, когда его посадили. Почему он был больной, я не могу этого понять. Все-таки я почти в восемьдесят лет здорова. И он после этого перехода заболел, слег и умер. И вот, он нам об этом написал. И это письмо было, и я это письмо читала, и это письмо было у нас. И у меня такое впечатление, ведь сколько мы переезжали: в Беляево с мужем, потом в этом доме в трехкомнатную квартиру, потом в эту четырехкомнатную квартиру, потом моя тетка Вера, они переехали из Столешникова, сестра с матерью переехала на Красную Пресню из Столешникова. Это был скандал дикий, что мы бросили тетку и уехали от нее. Я уже была замужем и жила в Якутске, потом теток переселили в Марьину Рощу. Я все бегала, двухкомнатную квартиру для них устраивала, потом из двухкомнатной квартиры мы переехали сюда.

В – много было переездов и во время переездов письмо пропало.

О – было две пачки писем, одна цела, а другая пропала. И у меня впечатление, что ее выкинул мой муж. Но все вещи отца исторически попали к Марине, потому что Марина с матерью, а тетя Маня отрицает и свое дворянство и моего отца, и ничего не желает знать. Но эти две пачки были у меня, и я их берегла, но когда “Мемориал” стал этим интересоваться, и я стала их искать, одна пачка, второй нет. Хотя мне кажется, что тут было две, я грешу на своего мужа.

В – не надо ни на кого грешить. Скажите, вот закончилась война, Вы ее как-то пережили, Вы заканчиваете школу, как дальше складывается ваша жизнь?

О – потом я поступила на географический факультет.

В – Вы говорите, что поступили без проблем на географический факультет, а Шурик куда поступил?

О – он поступил в Бауманский институт, МВТУ.

В – тоже без проблем?

О – не знаю. У нас такая была проблема: нужно было заполнять анкету, и указать кто отец. Мы поступали примерно в одно время, уж не помню когда, и дома очень обсуждалось – писать или не писать про отца. Кто-то из нас написал, что он арестован, а кто-то этого не написал.

В – и кто поступил?

О – поступили, тем не менее, оба. Теперь, когда брат был на втором-третьем курсе, там организовывался факультет реактивных двигателей, то есть очень секретный. И его как очень хорошего ученика начали туда переводить, а он не хочет: «Я хочу или электрички, или паровозы строить и изучать», но все-таки, его заставили, и он перешел на эти двигатели.

В – что дальше?

О – я так дальше не знаю. Знаю, что закончил, что распределили в Днепропетровск. Еще двое или трое закончивших с ним, точно не знаю, начали организовывать, строить вот этот завод в Днепропетровске реактивных двигателей.

В – значит это ему не помешало?

О – да, это ему не помешало. Но через несколько лет как он там работал, он к нам приезжает и говорит, еще сталинские времена были, что все научные и производственные проблемы завода решаются на партийном собрании. А он уже был начальник отдела, какого-то неплохого, не второстепенного, а меня, говорит, там нет. Мне надо или уходить, или вступать в партию. И этот вопрос у нас обсуждался в семье, и было решено, что ему надо вступить, и он вступил в партию.

В – Вы комсомолка?

О – ну как же. Он, по-моему, не был комсомольцем, а у нас в классе все говорили, что надо вступать в комсомол.

В – это в 57 школе?

О – нет, раньше, я же не могу сказать, что я не хочу, я просто боялась, я как все, как стадо: все идут и я иду.

В – никаких вопросов не возникло?

О – нет, никаких.

В – а у Вас есть ощущение, что Вы не хотели? Почему?

О – нет, не хотела, не хотела и все. А моя сестра, я правда в Якутске прожила много лет, в один прекрасный день узнаю, что моя сестра вступила в партию, она член партии.

В – а Вы не были?

О – меня приглашали на работе в партию, но я – нет. А комсомольской активной работой я занималась. Причем, секретарь комсомольской организации у нас была женщина, которая мне очень нравилась. Она очень женственная, красивая, приятная, я с ней дружила, все время хвостом ходила за ней и вместе с ней активно занималась комсомольской работой.

В – а куда Вас распределили после института?

О – это тоже была проблема. Ведь мы на географическом факультете должны были проходить рабочую практику, начиная с третьего курса, производственная практика. Нас зачисляли экспедиции в какие-нибудь учреждения, мы ходили по разным учреждениям и просили, чтобы нас взяли, нам называли фамилию к кому обратиться. Я-то понимала, что мне надо искать что-то попроще и думала, что придется устраиваться в экспедицию при университете, который где-то в Подмоскowie, а это, конечно, не секретный. Это можно, но уже на географическом факультете. Поездки, романтика. Я была заражена этой романтикой, и вот мы приходим в институт мерзлотоведения с подругой и просим, чтобы нас взяли в экспедицию И я понравилась одному у начальнику экспедиции, который ехал на Таймыр. И он пригласил меня ехать на Таймыр. Я чувствую, что мне нельзя туда ехать, потому что там все секретно, я хорошо знаю, что весь Север – весь секрет. Там ведь все было секретно. Смешно сказать, что даже когда мы описывали растительность, какие деревья там растут, это было секретно, а уж мерзлота, на которой строят – это точно секретно. А в институте мерзлотоведения я мерзлотой заниматься буду. Что делать, что делать? Не знаю, посоветоваться не с кем, и я решила: будь что будет. Пусть меня хоть выгонят с географического факультета, но я побываю на Таймыре. И я поехала, и экспедиция для меня оказалась очень хорошей, очень интересной, потому что на Таймыре проявление мерзлоты необыкновенно, совершенно необыкновенно. Оно очень сильно отличается от того, что можно видеть в каких-то южных районах. Потом этот руководитель оказался очень хорошим, и дипломную работу я написала хорошую. И все было очень хорошо, и я была с институтом связана. Причем, еще я из этой экспедиции Таймырской привезла очень много денег, потому что была зарплата, были полевые. Это двойная зарплата. И было бесплатное питание там, то есть я целиком привезла все эти деньги. Причем, меня не увольняли ни с октября или сентября, когда я уволилась, а держали на работе. До Нового года держали на работе. Для нашей семьи это было такое счастье во всех отношениях, и, кроме того, вот эта работа на Таймыре и этот руководитель, Попов Александр Осипович, он недавно умер, определили всю мою жизнь в дальнейшем. И все мое счастье, и защиту диссертации, хорошее отношение ко мне в институте, все-все определилось этой поездкой на Таймыр. Ведь я кандидатскую диссертацию защитила первой на нашем курсе. Наш курс был сто двадцать человек. И я первой защитила кандидатскую диссертацию, и вовсе не потому, что я очень способна, талантлива, нет, а только я очень удачно попала, и очень хороший научный руководитель. И между прочим, когда весной прошлого года было десять лет, как он умер, и было торжественное заседание на кафедре, и доклад на научную тему делала я, хотя я уже не работала.

В – первый год Вы были на Таймыре. Это была еще практика, Вы еще институт не закончили, а потом какие были?

О – Вторая была, я работала в Министерстве геологии и алмазов, я боялась лишней раз прийти в институт мерзлотоведения. И я поехала тоже в секретную экспедицию, была алмазная экспедиция, искали алмазы на Подкаменной Тунгуске в Средней Сибири.

В – там же, небось, сплошные лагеря, что там, что там?

О – там вообще ничего нет, на Таймыре лагерей нет, на Подкаменной Тунгуске тоже лагерей нет, мы были в такой глуши, где тоже их нет.

В – а где же лагеря, если они не в глуши?

О – после Подкаменной Тунгуски я поехала на Воркуту, вот здесь я уже «вот так вот» насмотрелась лагерей.

В – что Вы там видели?

О – видела, как ведут заключенных, наверно, на работу, по поселку. Все мирные граждане стоят побоку, дорога занята, идет группа человек пятьдесят или сто, рядом охранники с собаками. И я стою, закрыв глаза, я боялась поднять глаза, потом я себя очень ругала: почему я не посмотрела?

В – почему Ваш сосед закрывал глаза, когда опись шла?!

О – боялась, боялась.

В – Вас как-то инструктировали, когда Вы ехали на Воркуту, что Вы едете в режимный объект, что нельзя там вступать в вопросы, беседы?

О – я уже не помню, таких официальных инструкций не было, но я уже понимала, что нельзя.

В – Вы уже закончили институт?

О – да, я закончила институт, сдала экзамены в аспирантуру, но зачислить меня должны были только через год. И вот на этот год меня зачислили сотрудником Воркутинской станции, и я поехала на Воркуту как сотрудник станции.

В – Вы еще и не замужем?

О – нет

В – муж откуда появился?

О – муж тоже в аспирантуре нашего института был, он горный инженер был, отработал несколько лет на шахте как шахтер, а потом стал поступать в аспирантуру.

В – он Вас старше, как зовут?

О – да, зовут его Анатолий Феликсович Зильберборд.

В – Вы не поменяли фамилию, когда вышли замуж?

О – нет, я даже детям дала свою фамилию, потому что антисемитские настроения кругом.

В – а когда захотели выйти замуж за Зильберборда, что сказали мама и тетка?

О – мама сказала, что не надо за еврея ходить замуж, но Вам скажу мое отношение к евреям. Во-первых, вот эта Наташа, которую звали Натала, с которой я жила. Это еврейская семья, мы с ней были подругами, причем, она на год старше. Поскольку она старше на год и очень активная, она очень много полезного для меня сделала, и ее родители прекрасно ко мне относились. Когда началась война у моей тетки, тети Мани, была, видимо, врачиха Лидия Наумовна, еврейка. И когда немцы стали подходить к Москве, а она одинокая была, тетя Маня ее взяла к себе. Она жила у нас какое-то время, потому что она боялась немцев. И я помню, мы обсуждали, что, когда придут немцы, мы уже знали, что они придут, она будет прятаться в шкафу. У тети Мани был шкаф, и мы обсуждали, что она будет прятаться в шкафу, когда к нам в квартиру будут приходить немцы. У меня это два случая. У нас еще была еврейская женщина, старушка, бедная, несчастная. Она вместе с матерью работала медсестрой еще в гражданскую войну. И отец был веселый, живой, была масса знакомых. Причем, я помню, мы ходили к его знакомым. Это были

хорошие квартиры, большие комнаты, видно, что семьи благополучные. Но когда отца арестовали, их никого не стало, всё. К нам в приходили в гости только Софья Давыдовна – это вот эта несчастная медсестра, еврейка, и приходила вот в гости только тетя Варя, бабушка двоюродная–троюродная, больше никто у нас в доме не был, к нам никто не приходил, никогда.

В – тетя Маня ни с кем не дружила, у нее в поликлинике не было подружек, приятельниц?

О – никого не было, не знаю, ее знакомых из поликлиники я не знаю, только единственное, только единственная вот эта Лидия Наумовна появилась во время войны.

В – ну а как же, когда были похороны, что никто не пришел на похороны?

О – она очень рано, то есть поздно, у нее очень большой разрыв, когда она ушла на пенсию, и когда она умерла. Никого не было, но мы не сообщили. Мы сами, наверно, виноваты, мы не сообщили в поликлинику во–первых, а во–вторых, она же ни с кем не общалась. Нам даже в голову не пришло, что надо звать кого–то из поликлиники.

В – чем она занималась, когда ушла на пенсию, сидела дома и читала книжку, вязала?

О – читала книги.

В – на французском, поди?

О – нет–нет, я помню она читала Маяковского. Мы же в школе проходили Маяковского, и ей попался томик, то тесть толстая такая, большого формата. И вдруг она говорит: «А мне нравится Маяковский» . Я удивилась, как–то ведь вроде бы не должно быть.

В – не ее вкус?

О – не должен был нравиться, а дальше она сказала, мы здесь вместе жили, она мне сказала: «Ведь я думала, что жизнь с матерью вот здесь до революции – это не жизнь, а плохо, но, все–таки, я поняла, что только там и была моя жизнь, а здесь – все прахом» . Такую фразу она сказала. Вот ее фотография, но это случайно попали. Вот мы решили, что это англичанка, тут что–то написано, Вы не знаете французского?

В – не знаю. Что такое «Блокхем», место где они живут?

О – не знаю, тут «Эллингс» есть.

В – почему из Англии по–французски, дворяне писали на французском.

О – у меня не было мысли перевести, даже не знаю, кто у меня сейчас знает французский.

Смотрят фотографии.

О – это дед, Постников, это Авдотья Васильевна, моя прабабушка, урожденная Каховская.

В – поэтому у Вас Каховский здесь. В Дрездене, почему–то, фотографировался, но это ни о чем не говорит.

О – это моя бабушка Вера Несторовна, сильный характер. Мать говорит, что мы ходили по струночке и только хорошо вздыхали, когда ее не было.

В – мама была против Вашего замужества только по национальному

признаку, или он ей не нравился Ваш муж? А тете Мане?

О – не знаю, не спрашивала. Тетя Маня тоже, не знаю ее мнения.

В – Вы вышли замуж без благословения, без разрешения?

О – конечно.

В – это потом повлияло на ваши взаимоотношения с тетей Маней?

О – никак, нет.

В – она не затаили против Вас?

О – нет. Между прочим, это второй муж, я еще была замужем первый раз один год на 5 курсе. Я с ним вместе на Подкаменной Тунгуске была, в нем только быстро разочаровалась, переругались. Я ушла к своей матери, я не думала, что уйду навсегда, я думала, что мы когда-то помиримся, и он придет ко мне. Но он не проявил ничего, и я тоже не проявила.

В – вы были однокурсники?

О – нет, он был на фронте, был постарше, но учился на курс моложе. Потом я поехала в экспедицию на Воркуту и решила, что всё, больше о нем я думать не буду.

В – и не встречались больше никак, не случайно, никак по-другому, и не знаете, как жизнь сложилась?

О – нет не знаю. Нет, знаю, что он защитил кандидатскую диссертацию, был распределен в институт географии. Там работал, когда был организован новый институт гидрогеологических проблем, по-моему, он так назывался, академический институт, его в этот институт передали вместе со штатной единицей. Вот передача вместе со штатной единицей говорит о том, что его не очень ценили в институте географии, потому что в академическом институте штатная единица ценилась гораздо больше, чем молодой специалист.

В – Вы вышли замуж, и где живете?

О – у мужа первого, и у второго тоже.

В – у второго мужа живете прямо в его в семье?

О – у него мать была.

В – а три сестры, Марина моложе Вас, Шурик уже в Днепропетровске, и три сестры живут там в Столешниковом, до каких пор?

О – когда началась хрущевская вот эта стройка.

В – не три сестры, а две, тетя Вера оставалась еще не реабилитирована.

О – ну да, ну две. Ну Марина вышла замуж, родила детей, и в этой комнате живут мама, Марина, ее муж и пока один ребенок, потом родился еще один, не помню когда. Живут в одной комнате.

В – в одной комнате, или мама, когда Марина вышла замуж, перешла жить к тете Мане?

О – тетя Маня терпеть не может Маринино мужа. Она его не принимает на дух совершенно. Иначе как бандит она его не называет. Он из простой семьи, кулацкого плана, из Миасса с Урала, сильный, упорный, философский факультет закончил, поэтому он умнее всех, защитил докторскую диссертацию, был доктором наук. Где он сейчас, что с ним, не знаю. Я умоляла тетю Маню, просила: «Возьми маму к себе, ты одна в комнате живешь, пусть она у тебя только спит» – «Не пущу, не дам» . Бандит не здоровается. Причем еще, он тоже был дурак, он еще чуть ли не студентом был, когда они поженились. У него денег нет, у матери у моей тоже денег нет. Марина с

ребенком, и опять вся эта семейка тете Мане на шею. Закончилось дело тем, что там были жуткие отношения, но поскольку я в это время уже была или Якутске, или замужем, я тоже не знаю. В общем, разделились, стали питаться отдельно.

В – что там делиться на 8 метрах?

О – разделились в смысле питания. Марина стала себе готовить, а тетя Маня себе. С кем мама не знаю, и вдруг этому Николаю предлагается трехкомнатная квартира. В трехкомнатную он может поехать только в том случае, если вместе с ним поедет моя мать. Мать сказала, что я не поеду, я тетю Маню не брошу. Обстановка жуткая, мы стали ее уговаривать, чтобы она поехала, одна долго сопротивлялась, а потом, все-таки поехала. И в Маринину комнату, когда она освободилась, поселили домработницу за тоненькую фанерную стенку, бывшую домработницу с которой у тети Мани были жуткие отношения. Но в конце концов, эта домработница боялась тетю Маню.

В – чья домработница была, ваша или соседей?

О – нет, не наша, вот.

В – все соседи из эвакуации вернулись?

О – вернулись-вернулись. Кроме...(неразборчиво). Певица не вернулась, ее комнату занял инженер какой-то, причем, непростой, из Ленинграда с женой. Потом у него родилось двое детей, и вот его поселили инженера с семьей в одну комнату коммунальной квартиры. А потом они получили двухкомнатную квартиру, уехали.

В – до каких пор там несчастная тетя Маня жила?

О – устраивала тетя Маня скандалы. Мама переживала, я туда приезжала, она меня гнала. Маринку, она переругалась и выгнала вообще. Марина там не появлялась, когда мама приезжала, ей устраивала там истерики. В общем, мать, когда ехала от тети Мани к себе домой от Столешникова на Красную Пресню, это недалеко, она переходила улицу, ее сбил автобус и она умерла.

В – прямо на месте?

О – нет, не на месте. Она месяц лежала в Боткинской, и потом умерла. Это был шестьдесят четвертый год. Я считаю, что она шла в таком плохом настроении от тети Мани, что не смотрела на дорогу, ни о чем не думала, что она в какой-то степени виновата, что она попала под машину, не только кто ее сбил.

В – а сама тетя Маня по этому поводу что думала?

О – я с ней на эту тему не говорила, и она сама тоже ничего не говорила.

В – а когда мама в больнице лежала, она к ней ходила?

О – ходила, ходила. И однажды я Марине сказала, что я считаю, что мама погибла не только из-за случайного несчастного случая, а потому что у нее было соответствующее настроение, она ответила, что я тоже так считаю, но больше мы об этом не говорили.

В – а тетя Маня и тетя Вера теперь остались вдвоем?

О – остались вдвоем в этой квартире, и опять истерики. Тогда я сказала, что я ее устрою в кооператив. Тогда началось строительство, оформили документы, и я стала искать кооператив. И я нашла очень дешевый кооператив в Марьиной роще. Двухкомнатная квартира, и они туда переехали. У тети Мани были деньги, частично она платила за этот кооператив. Я жила с мужем в

Якутске, мы с мужем зарабатывали. Нет я, пожалуй, уже приехала тогда из Якутска. Я ей какую-то сумму дала, и она стала там жить вдвоем с тетей Верой в двухкомнатной квартире, прекрасно, четвертый или пятый этаж. Все хорошо, но опять начались скандалы: мы одни, нам тяжело, в общем плохо, то-сё, хоть было очень хорошо ей, я к ней, она как раз жила недалеко от Ленинградского проспекта, где я жила с мужем. И я с двумя маленькими детьми в субботу-воскресение почти каждую неделю приезжала к ним и даже ночевала, т.е. все время у них, и все равно плохо. Все равно плохо.

В – все равно бросили.

О – теперь мы живем на Ленинградском проспекте, у нас две большие смежно-изолированные комнаты. У матери моего мужа жуткий характер, я с ней совершенно ни в какую, кончилось дело тем, что мы с ней даже не разговаривали. И мы построили трехкомнатную кооперативную квартиру в Беляево (звонит телефон)... Есть книжка, издана до революции.

В – дворянские роды?

О – издания генеалогической комиссии, и в этом издании несколько страниц об Осоргиных.

В – я видела ее у Вас в прошлый раз, Вы мне ее показывали, красивая книжка.

О – сын взял ее к себе, чтобы сделать ксерокс, уже месяц держит, просила сделать два экземпляра, чтобы послать в Пермь. Там все Осоргины. Мы-то уже все Даниловы, Марина даже Алексеева, а там все Осоргины. Там прямая линия, там два сына, два внука и правнук мальчик.

В – очень хорошо, мальчики передают фамилию.

О – т.е. там будут передаваться. Я хочу подправить немножко: и Марина... (неразборчиво) и Шурик.

В – Вы говорили, что переехали в Беляево, а со свекровью никак отношения не складывались?

О – я и не пыталась, т.е. сначала пыталась, а потом не знаю. Но, между прочим, когда мой муж делал мне предложение, он не говорил мне: «Выходи за меня замуж», он говорил: «Ты поедешь со мной в Якутск?» – «Да, поеду» .

В – он знал об особенностях своей матери?

О – а потом он сказал: «С моей матерью жить нельзя» .

В – он был при этом преданным сыном?

О – когда она на него ругалась, а она почему-то на него все время ругалась, так, как ее внучка ругается на своих,

В – генетика!

О – он бледнел. У него губы становились бледные, он уходил в другую комнату, и я слышала, как он матерился про себя. Он же был горняком, и он сказал как-то мне: «Я до тех пор не мог общаться с рабочими в шахте, пока не научился материться, пока не овладел их языком» .

В – он один был сын? Отца при Вас уже не было?

О – единственный. Отцу было предложено добровольцем пойти на фронт, и он там погиб. Пропал без вести, как у него документы были, но он был завкафедрой политекономии в экономическом институте им. Орджоникидзе, не знаю, как он сейчас называется. Был партийный, был секретарь парторганизации. Бабка моя тоже была общественной деятельницей превеликой и тоже во все верила, открывала вечером «Вечерку», читала: «ну

какое у нас правительство, ты подумай, какой приказ. Теперь, наконец-то, мы хорошо будем жить», – я все это слушала (рассмеялась).

В – Ваша мама, тетки, они с ней были знакомы?

О – да, были.

В – в гости не было принято ходить, на день рождения?

О – нет, так нет. Когда родился мой первый сын, у меня грудница была, и температура поднималась до сорока, и мать приезжала. И тетя Вера уже тогда была. Приезжала каждый день мне помогать. И Надежда Исааковна относилась к моей матери так, что мать мне сказала: «Если она будет ко мне так относиться, я к тебе ездить больше не буду» .

В – в чем это выразалось?

О – Очень высокомерна. Она вела себя так, будто она аристократка, а мать простая прислуга. Да, но когда она умерла, и когда я с ее подругой продолжала иметь отношения, я узнала, что моя Надежда Исааковна была дочерью поденщицы, т.е. была дочерью прислуги, а ее муж был сыном биндюжника. А я спрашиваю: «Что такое биндюжник?», – «А это носильщик, который носит тяжелые вещи» .

В – да нет, биндюжник – это просто извозчик.

Конец стороны А, начало стороны В кассеты № 2.

В – ...и большой такой здоровой лошади.

О – так она мне говорила. Ну, я не знаю, как раз все наоборот.

В – А у Вашего мужа с Вашей мамой?

О – были хорошие отношения, да-да.

В – а с тетками?

О – тоже ничего.

В – мама потом не жалела, что вышли замуж за еврея?

О – не знаю. Она больше жалела Марину, что вышла замуж за русского, потому что моя семья была более-менее благополучной, а там Марина, в конце концов, разошлась с мужем, семья там распалась.

В – по прошлым беседам знаю, что отношения с Мариной у Вас отсутствуют, сейчас ничего не наладилось?

О – а я не хочу.

В – Вы не знаете, они переехали? Просто того дома сейчас нет.

О – переехали, Шурик живет сейчас у нее. Она получила двухкомнатную квартиру. От нашей общей знакомой, я знаю, что комнаты изолированы, двенадцать метров кухня, два балкона, и где-то рядом с тем домом.

В – почему Шурик живет у нее, а не у Вас?

О – тоже у нас сложные отношения. А у нас негде, у них два человека и две комнаты, она и сын. И у нас четыре человека и четыре комнаты.

В – он у Вас бывает?

О – бывает-бывает. Был вот, например, вчера, вместе ездили в храм Христа-Спасителя.

В – то, что он сейчас в Москве и живет у Марины, не хотите воспользоваться?

О – он когда приехал, он меня страшно уговаривал помириться, поехать к

ней.

В – я знаю, Ваши письма ужасно смешные, как Вы пишете папе про Марину, и так это трогательно, так чисто и здорово. А на самом деле ссора ваша выеденного яйца не стоит и все уже забыли из-за чего.

О – нет, я не хочу, потому что мы вместе купили дом. В нашей семье всегда была мечта иметь дом в деревне, моя мать мечтала все время. Она очень хотела жить в деревне. Она заразила этим мечтанием и меня, и я как физ-географ все время имела дело с природой и мне тоже хотелось иметь дом. Но мой муж был против, категорически не хотел, и тогда я объединилась с Мариной, и купили дом в Тверской области. Но поскольку у меня были двое маленьких внуков, и у Иры совсем маленький родился, и потом Ира разошлась со своим мужем, у бабушки, у его матери был инсульт, я ее вынуждена была взять к себе, она у нас жила – Надежда Исааковна, мой муж очень сильно болел, у него была болезнь Паркинсона, он был глубоким инвалидом, а последние годы он был вообще лежачий больной, и ездить на дачу и жить там мне было некогда – мне даже некогда было поехать и оформить документы на нас и Марину. И Марина меня спросила как оформлять, я ей сказала: «Оформляй на себя». Я ей так верила, что у меня даже сомнений не было, что надо как-то о себе подумать. Я туда приезжала только на неделю, когда черника поспевает, и когда клюква, ну и когда грибы. Меня Ира отпускала на неделю. Ну и она ,Марина ,стала там хозяйкой. У нас стали портиться отношения.

В – дочь Ира, а сын? Кто старше, чем они занимаются?

О – Виктор старше, Ира – геолог в институте геологии Академии наук, а Виктор – математик в Академии наук, занимается лазерами.

В – и всё? У них никаких других работ нет? В Академии наук люди не шибко здорово живут.

О – ну да. Сын очень плохо, а Ира, кроме того что она в геологическом институте, там у них в лаборатории один молодой человек организовал издательство. Т.е. сначала он организовал продажу семян на посев, и эти семена, мы сдавали одну комнату, эти семена у нас хранились несколько лет. Мы с этого имели что-то, а потом он бросил семена и стал издавать сначала геологическую, а теперь любую литературу.

В – у вас не хранится эта литература?

О – которую они издают? – хранится, показать? А потом не только геологическую, но и любую. Ира часто приносит экземпляры, и она там в издательстве, наверно, не последний человек. Во всяком случае, она хорошо одевается, покупает детям и фрукты, и мясо, и ботинки и т.д. У нее два мальчика: один уже и учится, и работает, и фактически на своем иждивении. А сын Виктор пришел как-то в сентябре и сказал, что летом не было почти зарплаты, и я ему дала тысячу рублей. Потом, когда ушел, думаю, наверно, мало дала.

В – спасибо за беседу.

Прерывание записи

В – ...ничего не говорила против Советской власти, а чувствовали что-

нибудь? Мама, тетки, они не воспринимали Советскую власть?

О – конечно нет.

В – как-то это выражалось?

О – они молчали, я не знаю, не могу сказать. Они не любили Советскую власть, а что? Они всё потеряли, всё. Причем, ладно бы потеряли деньги, но у них один брат расстрелян, тетка сидит в тюрьме, муж в тюрьме, этот за границей. Как только писать анкету: «Есть ли кто за границей?» – целая проблема, значит надо писать “нет”, но думать, что это есть.

с ним потом были какие-то связи?

О – была связь до 28 года, потом у меня один знакомы поехал во Францию. Я попросила посмотреть, он посмотрел телефонную книгу Франции в Париже. И сказал: «Там очень много Осоргиных в этой телефонной книге» .

В – Вашим детям это интересно?

О – сын мой забрал эту книжку, хочет сделать ксерокс для себя.

В – а дочке?

О – я не знаю. Это трудно передать, ведь мои дети росли в семье Надежды Исааковны. Мы отъехали, когда им было 10 лет, их воспитывали, что лучше КПСС нет ничего на свете. Я ничего не могла сказать и сделать. Я думала, как быть, но ведь я уходила на работу, она оставалась с детьми.

В – какой они получились национальности Ваши дети?

О – русские, а Ирин сын Михаил даже близок к антисемитизму. Так его жизнь научила, окружение.. (расстроилась).

В – не будем на болезную тему.

Конец всей записи.